

УДК 10(092)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

РЕПРИНЦЕВ Александр Валентинович,
доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной педагогики
и методики воспитания,
Курский государственный университет

АННОТАЦИЯ. Автор статьи обращается к анализу наследия крупного отечественного философа и педагога Владимира Александровича Разумного (1924–2011), пытается понять векторы эволюции феномена человека в конце XX – начале XXI столетия, оценить миссию институтов образования в масштабных процессах глобальной социокультурной трансформации современного мира, в воспроизводстве самого человека и подготовке его к жизни и труду в условиях постиндустриальной, информационной цивилизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социально-педагогическая антропология, философия образования, история философско-педагогической мысли, системная методология, деструкция морального сознания, теория и практика социального воспитания.

REPRINTSEV A.V.,
Dr. Pedagog. Sci., Professor of the Department of Social Pedagogy and Methods of Education,
Kursk State University

ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS OF PHILOSOPHICAL AND PEDAGOGICAL CONCEPT

ABSTRACT. The author refers to the analysis of the prominent Russian philosopher and teacher Vladimir Alexandrovich Razumnyy (1924–2011), considers the evolution of the human phenomenon vectors in the late XX – early XXI century, assesses the mission of educational establishments in the large-scale processes of global social and cultural transformation of the modern world, reproduction of the person and his/her preparation for life and work in a post-industrial information civilization.

KEY WORDS: socio-pedagogical anthropology, philosophy of education, the history of philosophical and educational thought, system methodology, the destruction of the moral consciousness, the theory and practice of social education.

Современная гуманитаристика констатирует глубокий антропологический кризис [4; 5; 6; 12; 16; 17; 25], суть которого состоит в очевидной смене доминирующего типа общественно востребованного человека, что отчетливо проявляется в изменении социального заказа общественным институтам воспитания, изменении миссии культуры и образования в условиях масштабных социокультурных трансформаций. Возникший на рубеже столетий антропологический кризис проявляется в глубинной, сущностной ревизии ценностно-смысловых основ инкультурации молодежи, предложении входящему в жизнь молодому человеку ценностей и норм «либерального общества», которые не имеют прочного сопряжения с традициями русской национальной культуры, но во многом связаны с глобализацией современного мира, расширением границ «постиндустриальной цивилизации», которая несет «отсталым» народам «свободу» и «демократию»...

Понятно, что за всеми этими процессами стоят интересы транснациональных корпораций, крупного олигархического капитала... И отрыв целого поколения российской молодежи от своих национальных культурных корней предстает попыткой мировых манипуляторов разорвать преемственность естественного наследования ценностей и традиций культуры, углубить «конфликт отцов и детей», разорвать «времен связующую нить», а в конечном

счете – выиграть «битву за молодежь». Как здесь не вспомнить знаменитое выражение мало читаемого ныне классика: «Победит тот, за кем пойдет молодежь»... Конечно, В.И. Ленин был тысячу раз прав, прозорливо видя необходимость наследования детьми ценностей и идеалов отцов, позволяющих сохранить жизнеспособность этноса, упредить потенциальную возможность его уничтожения за счет разрушения традиционной культуры народа, ее фундаментальных, базовых норм и ценностей...

Функции инкультурации личности, приобщения входящего в жизнь человека к ценностям культуры осуществляют: семья, школа, институты социального воспитания. Но каждый из них сталкивается с различной степенью «окультуренности» ребенка, необходимостью выстраивать траекторию образования личности сообразно объему и содержанию освоенного ею культурного багажа, соотносенных с целями и задачами социального воспитания, – социальным заказом, в котором аккумулируются важнейшие общественные ожидания и прообраз идеального человека, востребованного эпохой, сложившейся системой общественных отношений. Поэтому для педагога всегда важна конкретизация социального заказа, наполнение общественного идеала реальными качествами и чертами идеального человека, которые следует сформировать в ребенке в процессе социального воспитания. Без такой конкретизации «социального заказа» воспита-

ние превращается в формальный процесс, результаты которого едва ли сопрягаются с декларируемыми целями. Однако всякая попытка дифференциации и отнесения ребенка к конкретному социальному типу сталкивается со сложностями классификации, множеством социальных типологий, в которых за фасадом антропологических концепций растворяется и исчезает важная и очень ценная для педагога конкретика, человеческая реальность, – фиксируемые и оцениваемые педагогом личностные качества ребенка, которые «вписываются» (или не «вписываются») в социальный заказ, в идеальную модель общественно востребованного типа личности, в сложившийся общественно ожидаемый идеал человека, сопряженный с традициями и нормами национальной культуры.

В этом ключе обращение к наследию В.А. Разумного позволяет понять природу и векторы эволюции человека в конце XX – начале XXI столетия, оценить миссию институтов образования в масштабных процессах глобальной социокультурной трансформации современного мира, в воспроизводстве самого человека и подготовке его к жизни и труду в условиях постиндустриальной, информационной цивилизации. Масштабность личности философа, стремление классифицировать человеческие типы вполне достойно и основательно проявились в трактовке В.А. Разумным феномена Человека, которому были посвящены практически все последние работы мыслителя [15; 16; 17].

Сразу оговорюсь: в философии, социологии, психологии, педагогике предпринималось немало попыток создать типологии человека, сформулировать представления об уровнях и типах воспитанности личности. Даже самый беглый взгляд на проблему типологии социальности личности и ориентации системы воспитания на воспроизводство наиболее востребованного в нынешних социокультурных и исторических условиях рыночного типа личности показывает, что такой тип прочно связан с господствующей идеологией, с социальными установками власти, с представлениями о результатах социального воспитания общественной элиты [19; 21; 22] ... Не случайно М. Вебер за основу своей типологии взял специфику социального действия; К. Маркс – формационную и классовую принадлежность индивида; Э. Фромм – господствующий тип характера как форму связи индивида и социума. Анализируя историю человечества, Э. Фромм выделял несколько типов социального характера (рецептивный или пассивный, эксплуататорский, накопительный и рыночный). Современная социология и социальная психология классифицирует типы личности в зависимости от ценностных ориентаций индивида: традиционалисты ориентированы в основном на ценности долга, порядка, дисциплины, законопослушания, а выраженность таких качеств, как креативность, стремление к самореализации, самостоятельности, у этого типа личности весьма низкая; идеалисты обладают более выраженным критическим отношением к традиционным нормам, независимостью, пренебрежением к авторитетам, установкам на саморазвитие; фрустрированный тип личности обнаруживает низкую самооценку, угнетенное, подавленное самочувствие, ощущение себя как бы выброшенным из потока жизни; реалисты сочетают в себе стремление к самореализации с развитым чувством долга и ответственности, здоровый скептицизм с самодисциплиной и самоконтролем; гедонистические материалисты ориентированы в пер-

вую очередь на получение удовольствий «здесь» и «сейчас», и эта погоня за «наслаждениями жизни» приобретает форму удовлетворения потребительских желаний (Klages H.).

В современной гуманитаристике принято выделять также модальный, идеальный и базисный типы личности. Модальный – тот, который реально преобладает в данном обществе; идеальный – не привязан к конкретным условиям социального существования, он лишь некое ожидание в будущем, некий прообраз желаемого типа личности; базисный тип личности – тот, который наилучшим образом отвечает потребностям современного этапа общественного развития. Какой социальный тип личности востребован сегодня и будет необходим завтра? Ответ очевиден – рыночный! По крайней мере, нынешняя российская власть взяла курс на строительство капитализма, на рыночную модель общественного устройства, закрепив в законодательных актах и «общественный заказ» на воспроизводство рыночного типа личности... Результаты этих инициатив новой российской власти не заставили себя ждать... За двадцать пять лет «социальных реформ» на арену жизни пришли уже несколько поколений «россиянских людей», впитавших в себя ростки «новой» дегуманизированной буржуазной культуры и морали, освоив идеологию консьюмеризма как высшей и самой важной, почти сакральной формы существования всего человеческого в современном мире – идеологию всего рода-племени чичиковых... Социальные реформы в России привели к деструкции всей системы социального воспитания, полному разрушению коллективистской морали, выкорчевыванию традиционных норм и ценностей социального бытия русского человека... Предложенная В.А. Разумным классификация природы человека и человеческих типов позволяет лучше понять современную социокультурную реальность, интерпретировать ее, осознать диалектику социальных типов и их эволюцию в условиях буржуазных реформ, формирования рыночного общества. Философско-антропологическая концепция В.А. Разумного позволяет прогнозировать социальные последствия «педагогического производства» человеческих типов и меры их включенности в жизнедеятельность социума, предвосхищая тем самым неизбежные результаты современной образовательной практики.

Концептуальное оформление теории природы человека и человеческих типов В.А. Разумного получила в целом ряде опубликованных им книг в последние годы жизни. Среди них особый интерес представляют монографии: «Драматизм бытия или обретение смысла» (2000); «В поисках смысла. Очерки всеобщего йехуизма» (2003); «Венец творения или ошибка природы (парадоксы человека)» (2006). В этих фундаментальных работах получили наиболее полное и всестороннее изложение все основные идеи В.А. Разумного, связанные с толкованием природы человека, его эволюции, становлением основных социальных типов личности, трактовкой миссии социальных институтов в освоении человеком ценностей и норм культуры, принципами и способами приобщения детей и молодежи к художественному творчеству. Здесь же получили воплощение идеи интегративной и художественной педагогики; оригинального неогуманистического понимания феномена игры и ее социализирующих возможностей в становлении человека культурного.

В соответствии с канонами диалектики, В.А. Разумный обращается к анализу древнейших форм человеческих сообществ и природы социальности: «Первые, древнейшие сведения о человеке, добытые неутомимыми археологами, неопровержимо свидетельствуют о том, что он изначально был общественным животным. Конечно, и у других животных существовала и существует довольно сложная социальная организация с распределением функций (ролей) между отдельными особями, с целесообразным действием всего коллектива в экстремальных ситуациях, с оправданной заменой одного, старого коллектива – другим, более жизнеспособным. Вспомним в этой связи социальную организацию пчел, муравьев, дельфинов, волков. Возможно, что предок современного человека жил первоначально в рамках такой социальной организации животных. Но с той минуты, когда прозвучало первое и великое Слово, когда параллельно начался осмысленный и производительный Творческий труд сообщество подобного типа переросло в общество, в тот катализатор всего дальнейшего процесса развития человечества, именуемого историей. Более того, именно в обществе, предопределяющем динамику истории, скрыта и мистическая тайна двойственной природы человека. Снимая покров с этой тайны, обнаруживаешь, что перед становящимся человеком открывалось два возможных пути: использование потенциала прогрессивного развития, заключенного в саморегулирующемся обществе, обеспечивающем свободу всех, либо трансформация общества и появление такой доминанты в нем, как сложнейшая и хитроумнейшая структура власти человека над человеком, при которой понятие человеческой солидарности оказывается пустым звуком, а его заменяет государство как выражение реальной несвободы» [16, с. 55].

В.А. Разумный подчеркивает роль общественно необходимого труда в процессе становления социальности человека, в разрывании человеческой истории, в диалектической борьбе свободы и несвободы человека. Отсюда берут свое начало все социальные надстройки и политические хитрости: «Нетрудно предположить, что традиционный вожак социального по характеру животного сообщества, занимавший это место вполне достойно как наиболее сильный, смысленный, прозорливый и мобильный самец, в человеческом обществе стал благодаря незаурядному характеру и изначальному бесспорному таланту манипулирования толпой сородичей – вождем со всеми вытекающими отсюда на тысячелетия последствиями. Кстати, вожди XX столетия нашей эры, равно как и тайные всемогущие вожди XXI века, в принципиальном отношении ничем не отличаются от тех, кто открыл им пути власти тысячелетия тому назад, использовав все праведные и неправедные средства, вплоть до коварства и насилия» [16, с. 56]. В.А. Разумный указывает на природу социальной дифференциации, которая, по его мнению, не является результатом естественного и природой человека предопределенного разделения труда. Философ отмечает, что такое разделение было зафиксировано в самых простых и древнейших формах человеческого общежития. «Не ведая зловещих последствий социальной дифференциации, предки наши, к примеру, привыкли к разделению труда мужчин на охоте и женщин у очага. Но пройдет еще немного времени – и по неодолимой логике истории или по какому-то дьявольскому плану начнется первоначальная социальная диффе-

ренциация, связанная с приобретением и накоплением собственности. Еще и еще раз напомним известную мысль французских просветителей, что собственность всегда кража. Соотнесите ее с тем, что у нас произошло в России на глазах изумленного Homo vulgaris в конце двадцатого века по христианскому счислению, и вы, безусловно, согласитесь со мною, если, конечно, вы не были активным соучастником разграбления богатств некогда великой державы...» [16, с. 57].

Социальная дифференциация порождает целый ряд следствий, в которых появляется и обслуга вождя, обеспечивающая устойчивость создаваемой системы... Короля, как известно, делает свита... «Рядом с вождем появился "профессиональный шаман", затем – церемониймейстер, порученец, ведающий приемом гостей из другого, дружественного племени. По мере увеличения численности племени и возрастания его потребностей в материальных богатствах, прежде всего – в земле и охотничьих угодьях, выделяется группа наиболее ловких, отважных и авантюрных воинов, не ведающих разницы в убийстве животного или человека, прообраз регулярной армии. Но власть не была бы властью, если бы она не оправдывала необходимость и даже божественность изобретенных правовых норм, преступление которых подлежало суровой каре, а соблюдение объявлялось высшей гражданской доблестью. Раз возникшие и ставшие традиционными, нормы эти были бы пустым звуком без соответствующего аппарата с множеством карательных функций. И он немедленно появился в виде судей, блюстителей порядка, охранников – тюремщиков, палачей, профессиональных доносчиков» [16, с. 57].

Конечно, в воззрениях В.А. Разумного на природу человека и человеческого сообщества отчетливо просматривается традиционный марксистский подход, весьма характерно проявляющийся в понимании феномена социальной стратификации, природе человеческих дисгармоний и противоречий, трактовке важнейших этических категорий и социальных норм. Философ очень часто прибегает к известной марксовой трактовке личности как «ансамбля отношений». Этот же методологический подход просматривается и в интерпретации природы власти и меры социальной свободы человека: «...Свободный выбор действительно был и предопределялся нормальной природой человека как общественного существа или, как говорится, совокупности всех общественных отношений. Не было никакой исторической необходимости в заключении общественного договора, предполагавшего отчуждение части прав индивида в пользу социума, или точнее в пользу благодетельной и всемогущей власти. Узурпация же власти сильнейшими и мудрейшими через насилие не могла породить ничего иного, кроме насилия, какими бы хитроумными доводами не прикрывались сильные мира сего. Даже дойдя до спасительного утверждения, что всякая власть – от Бога. Я же убежден, что власть человека над человеком, будь то самодурство тирана либо издевательство тупого начальника над принужденными к повиновению экономическими и внеэкономическими факторами робкими чиновниками либо служащими – от дьявола, сумевшего искушить нашего предка и сбить его с нормальной для всех живых, природных существ пути. – С пути самоуправления, становления и развития саморегулирующейся социальной системы, исключавшей государство как орган насилия, породивший ныне безмерное пере-

рождение человека, превращение его в ошибку социальной природы.

Сразу же возникают два коварных и отнюдь не праздных вопроса. Первый: были когда-нибудь в прошлом подобные реальные попытки человека стать подлинно социальным, то есть свободным, а не манипулируемым живым, природным существом? Проще говоря, существом, не выламываемым за коренные принципы нормальной жизни. Второй: верно ли, что отказ от этих попыток (безотносительно к причине такого отказа) в пользу государства в итоге привел к порождению массового человека, к необходимости вновь и вновь рассуждать о *Homo divinus* как о потенциальной и нереализованной возможности, в конечном итоге – как об удобной для темных сил уловке перенести все в плоскость обсуждения неких абстрактных и пре-краснодушных идеалов, не затрагивающих чьи-либо корыстные интересы. Даже самые злоеющие тираны любят такие рассуждения и упражняются на бумаге в словоблудии о свободе человека и о гармонии в обществе. Вспомним Цезаря, Фридриха Великого, Екатерину Вторую» [16, с. 60].

Ответы на эти вопросы самым тесным образом связаны с миссией образовательных институтов в воспроизводстве определенного социального типа личности, в воспроизводстве определенной общественной культуры (в том числе политической и экономической), в понимании человеком и гражданином своего места и роли в системе общественных отношений. В конечном счете всякий входящий в самостоятельную социальную жизнь человек должен твердо и определенно ответить себе на вопрос: «Кто я? – Тварь дрожащая или право имею?»... Не о нынешних ли попытках «приобщить невежественные народы к ценностям либеральной идеологии и демократии» прозорливо писал философ: «Подтверждением фактического существования альтернативного развития общественного человека может служить хотя бы тот поразительный факт, что вопреки всем проявлениям социальной нетерпимости и насилия до наших дней дошли в первозданной неприкосновенности племена и народы, отрицающие во имя свободы государство и предпочитающие жить по законам самоуправления. Думаю, что далеко не случайно владыки так называемых цивилизованных наций именуют их "дикими", а посему – достойными истребления. Те, кто надевает ныне тогу гуманистов и ратует за права человека, истребили миллионы индейцев в Северной Америке с таким же тупым равнодушием, как и бизонов; они же, эти радетели гуманности, уничтожили африканские цивилизации, просуществовавшие тысячелетия, а их свободных и гордых граждан превратили в рабов на плантациях "развитых" государств или же загнали в резервации; они же не пожалели триллионы долларов, чтобы разделаться идеологически и политически с Советами в России, созданными рабочими и крестьянами – как уникальными по значению органами самоуправления и деформированными бездарными политиками и традиционными "государственниками". И все же в итоге владыки мира, обладающие ныне невиданными ранее рычагами и орудиями насилия, в том числе – информационным оружием, абсолютно бессильны перед поборниками подлинной свободы. Не случайно по пескам Сахары кочуют миллионы туарегов, с презрением отвергающих дары тех цивилизаций, которые неизбежно превратят их в лакеев, официантов, мусорщиков на улицах мегаполисов. Не слу-

чайно «уход» из ада западной цивилизации все чаще и чаще становится нарастающим социальным валом исканий альтернативного государству пути общественных самоуправляемых организаций. В том числе – и в форме всевозможных монашеских организаций, противоречащих канонам ортодоксальной, поддерживающей государство насилия церкви любого толка. Более того, в многоплановых и порою до удивительных по неожиданности ростках общественного самоуправления в самом центре тех цивилизаций, которые основаны на беспределе государственной власти, мощи которой могли бы позавидовать самые страшные тираны-властители прошлого. В этой связи нельзя не удивляться поразительной тупости власть имущих в так называемых развитых странах, а проще говоря – в странах, паразитирующих на нищете и бедности "развивающихся стран", которым не дано в силу политических амбиций предугадать, чем станут в будущем эти тропы альтернативного государству исторического пути человека, прорастающие у них под боком все чаще и активнее» [16, с. 61–62].

Социальная стратификация обусловлена целым комплексом причин, но она порождается и закрепляется в том числе разным по содержанию и результатам образованием, получаемым выходцами из различных социальных страт. Именно в образовании происходит первичное «социальное размежевание» и фактическое закрепление разных стартовых возможностей молодых людей и их социальное неравенство [20, с. 24–42]. Это уже потом, после школы произойдет окончательное социальное размежевание, определится социальный статус личности, будет обретена социальная идентичность и принадлежность к конкретному социальному слою... Но уже в школе часть молодых людей открыто демонстрируют принадлежность к слою «высшего общества», к «элите», четко обозначая остальным сверстникам свою «статусность», «кастовость», «корпоративность», изолированность... Не случайно в последние два десятилетия так глубоко закрепились в общественном сознании понятие «золотая молодежь» со своей специфической субкультурой, образом жизни, системой ценностей, нормами поведения, способами строительства отношений с другими людьми. «Конечно, в соответствии с общепринятыми мировыми нормами любой человек имеет право на образование. Но право – отнюдь не реальность, и владыки мира прекрасно понимают, что нет ничего более опасного для их явной и тайной власти, мощи которой могли бы позавидовать все сильные мира сего, проложившие в прошлом кровавый путь беззакония и всевластия, чем подлинная образованность каждого. Поэтому ими же отработана система социально-дифференцированного и платного образования, которая создает на пути каждого ребенка десятки плотин, препятствующих его свободному и всестороннему развитию. Такому развитию, модель которого в прошлом разработали представители *Homo divinus*, приверженные пути общественного саморегулируемого управления. А ныне взяты на вооружение отнюдь не глупые властители мира, но для обучения и воспитания своих отпрысков» [16, с. 66].

В.А. Разумный подчеркивает: социально-дифференцированное и платное образование – примитивное и вместе с тем весьма эффективное средство, способствующее решению двух взаимосвязанных задач. «Первая из них – поддержание того "стандарта образованности масс", без которого не-

мыслимо существование современного социума, где даже лакей должен на элементарном уровне владеть новой техникой, хотя бы отогнать машину суперсовременной марки от подъезда, где и портье не сможет занять престижного места без владения компьютером и многими языками. Вторая – формирование новой и крайне малочисленной расы господ, того сверхчеловека, которым мнят себя спрятавшиеся в атомных бункерах под недремлющим оком вооруженной живой и электронной охраны нынешние избранные дьявола. Именно они добились впервые в современной истории абсолютного неравенства стартовых возможностей в образовании всех детей. В том числе и в России вопреки ее вековым гуманистическим традициям» [16, с. 67]. Для отпрысков «социальной элиты» сегодня созданы и успешно функционируют закрытые частные школы и пансионы, в которых будущие «хозяева жизни» получают отнюдь не «стандартное образование», – их готовят управлять миром, финансами, людьми, их приобщают к высокой культуре, их готовят к «элитарному образу жизни», к беззаботной праздности, в которой нет и не может быть каждодневной борьбы за физическое выживание, за хлеб насущный, не может быть общественно необходимого физического труда...

Конечно, складывающаяся система воспроизводства культуры и человека – продукт реализации государственной политики. «Тотальное влияние современного государства на все стороны бытия человека подкрепляется его универсальным характером. На практике это означает, что государству ныне подвластны не только все так называемые «воспитывающие силы» (да простит мне заинтересованный читатель убогую лексику педагогической прессы), но и все грани духовной жизни *Homo vulgaris*. Проще говоря, все традиционные и новые, информационной цивилизацией порожденные возможности формирования выходящего типа человека, человеческой индивидуальности она использует с полным пониманием дела и, как говорится, на полную катушку» [16, с. 71]. В.А. Разумный удивительно точно проводит исторические параллели, находя в опыте предшествующих эпох и культуры убедительные примеры взаимоотношений человека и общества, личности и государства: «*Panem et circenses* – хлеба и зрелищ! Кому не известна эта исходная формула владык Рима, давным-давно претолочно овладевших искусством манипулирования толпой. Но то, что стало возможным теперь, в эпоху информационной цивилизации, не могли даже представить в воображении древние всемогущие владыки мира. Вдумайтесь, без идеологических предубеждений, трезво и достоверно, в соответствии с новыми реалиями нашей жизни: было ли когда-либо в прошлом всеобщее оскоотинивание толпы (в отличие от представителей удивительной, вселяющей надежду на будущее человечества породы *Homo divinus*). Никогда! Потерпев поражение в одной какой-либо сфере духовной жизни, скажем, в уровне образованности, люди, самые забытые и обездоленные властью, действительно униженные и оскорбленные ею, могли использовать феномен духовной компенсации. Так, неграмотные крепостные в Европе рождают поэзию вагантов, подневольные крестьяне в арабских халифатах создают непревзойденное и поныне прикладное искусство, крепостные крестьяне в Китае, отлученные от вершин современной им науки, тонкой и поистине изощренной, созидают фантастические по красоте ке-

рамические изделия, шедевры литейного искусства и резьбы по кости. В нашей многострадальной России, едва ли не позднее всех избавившейся от позора многовекового крепостничества, обреченной «просвещенными» Романовыми на почти полную неграмотность населения вплоть до первых десятилетий двадцатого века по христианскому счислению, именно эти массы сохранили и передали нам неувядаемые традиции язычества, древнего свободомыслия и едва ли не богатейший в мировой культуре фольклор. В их среде всегда теплился огонек вольнолюбия, нетерпимости к властному насилию, короче говоря – подлинной политической культуры равного среди всех равных по рождению человека. Не зря лучшие умы предостерегали властителей о призраке русского бунта, страшного и беспощадного! Не зря истинные аристократы духа, такие как Алексей Толстой, предостерегали императоров от насилия над народными заступниками, такими как великий и бессмертный в памяти русского народа Николай Чернышевский!» [16, с. 71–72].

Философ хорошо понимал необходимость изменения образовательных технологий в эпоху информационной цивилизации, расширения доступности информации для образования молодежи и подготовки учащихся к самостоятельному ее получению и анализу. При этом мыслитель предупреждал о необходимости поддержки субъектности личности в процессе получения и обработки такой информации: «Властители мира поняли сущность новых возможностей владычества над миром, которые предоставила им эта ситуация. Не жалея любых, потрясающих воображение обывателя затрат, они создали ныне такую информационную паутину, вне которой может оказаться только необычайно сильный духом человек. *Homo vulgaris* (не без помощи школы, уже более тридцати лет способствующей его формированию вопреки традициям русского просветительства), полностью запутавшийся в ее паутине, стал стандартным (как шарикоподшипники или куриные яйца на птицефабрике)» [16, с. 72–73].

В.А. Разумный подчеркивает: «Безотносительно к положению науки и ученых в разных странах государство в противовес самоуправляемой и саморегулируемой социальной системе использует распространение научных сведений в массах лишь в операционных, чисто прагматических целях. Все, что сверх того – от лукавого. Вот почему пропаганда достижений науки здесь причудливо сочетается с внедрением в сознание людей чисто фантастических, а порою и бредовых сведений. В ход пущены астрология, футурология, поверхностно и даже вульгарно истолкованный психоанализ, мистические учения самого разного толка, фальсифицированные в основе своей верования и дикие суеверия. Тиражируемые последовательно и поразительно масштабно на основе новейших информационных технологий все эти сведения (учтите, что действие происходит на основе необычайно возросшего мирового авторитета науки, веры в ее чудодейственную силу миллиардов людей) лишают мышление *Homo vulgaris* объективной достоверности, истинности. Порою просто поражаешься, какой несусветный бред несут вроде бы образованные люди в суждениях, выходящих за пределы их специфических, чисто профессиональных интересов. Невольно задумываешься с грустью – а была ли в истории человечества блистательная эпоха Просвещения? Но ларчик открывается предельно просто – их суждения не только целенаправленно формируются на

основе достижений информационных технологий, но и контролируются в глобальном масштабе благодаря новым возможностям оценки результатов информационного воздействия. Яркий пример тому – интеллектуальный уровень выпускников наших школ, задержанных беспределом реформ содержания образования и его системы» [16, с. 74–75].

Конечно, было бы наивно пытаться остановить технический прогресс, отказаться от информатизации образования. Научно-технический прогресс несет всему человечеству новые возможности в постижении мира, его преобразении, в развитии самого человека. Но философ предупреждает: «Любое техническое средство, вроде бы самое безобидное и нейтральное, в деле распространения научной информации оказывается до предела тенденциозным и социально-ориентированным. Кто может возражать против Интернета как поисковой системы для оперативного получения необходимой информации? Естественно, только полный невежда. Но поработайте с этой системой, например, на уровне общеизвестных энциклопедий общего и сугубо профессионального характера. Думаю, что вы согласитесь со мною, что ваша свобода в выборе информации весьма тонко и целенаправленно ограничена, ибо в конечном счете находится в поле зрения недремлющего идеологического аппарата государства. Попробуйте, например, в этих энциклопедиях (зачастую создаваемых нашими специалистами, выращенными советской школой и советскими же институтами) узнать подлинную правду о положении народа в дореволюционной России, о прогнившем насквозь режиме самодержавия, сброшенном отнюдь не большевиками, но всеобщим восстанием народа, о фактах, неоспоримо свидетельствующих о величии русского народа в Великой Отечественной войне! Предупреждаю: ваши усилия – сие дело бесполезное, ибо и в этом случае вашим самостоятельным, свободным мышлением пытаются манипулировать "жучки" от науки, что является весьма прибыльным, доходным делом. Получая информацию, мы и не задумываемся о том, что она уже отобрана и соответствующим образом препарирована, обработана. Так кто же мы в этом отношении, как не ухудшенный вариант жвачных животных в более или менее сытом хлеву?» [16, с. 75].

Вульгаризация смысла, миссии образования как раз и проявляется в том, что, беря внешние, атрибутивные свойства внедряемых в образование Человека новшеств, нынешнее поколение чиновников от образования заботится в большей мере о бумажных отчетах, «идеологическом нейтралитете», нежели о реальных результатах совершенствования дела народного образования и просвещения. Важнейшей предпосылкой успешности истинной модернизации образования, его реального обновления В.А. Разумный считал кадровый потенциал системы, обеспечение социального престижа российской интеллигенции, вовлеченной в развитие науки и народного просвещения: «Следует признать, что власти в России, умудрившиеся в последние два-три десятилетия не только разрушить складывавшуюся систему народного хозяйства, его промышленность и сельское хозяйство, но и почти безнадежно подорвать научный потенциал страны. Где же это видано, чтобы академик, обогащающий мир новыми техническими и технологическими идеями, в финансовом отношении получал меньше, чем консьержка в доме "новых русских"! Чтобы профессура, обладающая уникальными знаниями, уходила на базарную тол-

кучку торговать сигаретами, словно в двадцатые годы послевоенной разрухи? А ведь это не полемическое преувеличение, допустимое по законам избранного мною литературного жанра, но постыдная и всем известная без теоретических и социологических исследований позорная российская реальность. И если эта реальность не сокрушила наших ученых, то это лишь потому, что они – действительные представители той несгибаемой породы, которую я именую *Homo divinas*. Они в отличие от властителей (по исторической неизбежности – временщиков, за исключением тех мудрых людей, облеченных властью, которые понимают социальную значимость самоуправления и ищут наиболее безболезненный путь к нему в соответствии с традициями этноса) осознают не только свою историческую значимость, но и постоянную ответственность перед будущими поколениями. Поэтому, наверное, они не сдались и не сникли, но продолжают фундаментальные исследования, более того – находят новые, действенные формы самоуправления в рамках существующей государственной системы» [16, с. 73–74].

Значительное внимание в философско-педагогической концепции В.А. Разумного уделено природе эмоциональной сферы Человека. Философ основательно препарировал ее роль в становлении «Человека культурного», в формировании важнейших социально-нравственных качеств личности. «Теплится естественная (как защитная реакция свободного от рождения человеческого существа) надежда, что есть в его духовной сфере неприкасаемые и вполне интимные уголки. Это – наша эмоциональная сфера. Если мы где-то в прошлом были относительно свободны, то, конечно, в характере и направленности наших эмоциональных реакций, в эстетических предпочтениях и суждениях, в области вкуса и чувств. Подтверждение тому – вся наша человеческая история, где вы не найдете фактов абсолютного подчинения владыкой, тираном, совкупным властителем – государством или каким-либо еще властным образованием эмоциональной сферы. В противовес всегда возникали элементы духовного сопротивления, свидетельствующие еще и еще раз о параллельном существовании власти и человеческого, свободного самоуправления. Теперь мы с умилением изучаем предметы народного искусства, созданные прошумевшими и канувшими в Лету обычными, заурядными людьми, до которых историкам (ибо последние по воспитанию, по выучке и по служебному призванию – государственники) никогда не было дела. Мы изучаем чудом дошедший до нас фольклор, значение которого ничуть не меньше для человечества, чем великая литература, хотя шедевры устного и письменного творчества всегда таят в себе сокровенные пророчества о свободном человеке, о *Homo divinas* и эмоционально подготавливают род людской к исправлению исторической ошибки и возвращению на истинно человеческий путь самоуправления. Кстати, не случайно эти шедевры если не истреблялись, то либо игнорировались властью имущими, либо интерпретировались в выгодном им свете. Как это, например, случилось с классической русской литературой, одухотворенной идеями утопической перестройки природы человека на началах истины, добра и справедливости и преисполненной ненависти к сильному миру сего. Почитайте, например, публикации на эту тему, посыпавшиеся как из рога изобилия в восьмидесятые – девяностые годы прошлого столетия – и вы с изумлением узнаете, что и фольклор, и творения наших литературных гениев прошлого всегда

были подчинены идее «самодержавия, православия и народности». Хотя бы то, что светоч нашей поэзии, «невольник чести» – Пушкин был искренним и убежденным царедворцем. Слава Богу, не перевелись еще на Руси грамотные и думающие люди, игнорирующие холуйствующих перед нынешней властью «комментаторов» и способные самостоятельно прочитать как Пушкина, так и Толстого, Достоевского, Алексея Толстого, Некрасова, Горького, да что там – всех без исключения властителей дум русского народа. Должны же это делать мы все, без исключения, дабы и в себе по каплям выдавливать раба, смелее отказываться от собственных стереотипных суждений, сформированных системой образования, выгодной только поборникам несвободы человека, утверждения его ошибочной социальной природы как нормы. Они же глубоко вбиты, точнее – вдолблены в подсознание не только новых поколений, но и преемственно соседствуют в сознании тех, кто имел счастье формироваться в условиях функционирования совершеннейшей в мире советской системы образования» [16, с. 75–76].

Развитие эмоциональной сферы обеспечивает закрепление в эмоциональном опыте Человека важнейших социально-нравственных качеств и состояний, порождающих общность переживаний, общность настроений, а в конечном счете – этнокультурную идентичность. В.А. Разумный предупреждает об опасностях манипулирования социальными эмоциями людей, что способно исказить важнейшие нравственные установки человека и управлять внедрением ложных смыслов в его сознание: «Задумайтесь, почему я делаю в этой связи акцент именно на эмоциональном мире человека и на искусстве как факторе борьбы за свободу. Конечно, отнюдь не потому, что еще и еще раз хочу напомнить тривиальную истину о его значении в духовной жизни, о художниках – не только как о властителях дум, но и как об инженерах человеческих душ. Дело ныне в ином, а именно в принципиально новых способах и масштабах регулирования эмоций властью, государством, владеющих информационными технологиями. Обволакивая, словно слизкий спрут, человека толпы, вторгаясь во все стороны его повседневного бытия, они смещают все традиционные ценности и соответственно – реакции на них. Если бы еще недавно я попытался обосновать в аудитории мысль о возможности жестко предопределенной кем-то шкалы реакций: над чем смеяться и по какому поводу плакать, когда и почему радоваться или негодовать, что красиво и современно, а что безнадежно устарело, слушатели отнесли бы мои аргументы к области футурологической фантастики. Сегодня такие возможности повседневно реализуются практически целой армией специалистов. Они не только формируют общественное мнение, предваряющее событийный ряд. Владея изощренными профессиональными приемами и богатейшим арсеналом информационных средств целенаправленного регулирования эмоций, от рекламы до ангажированной властью критики, провозглашаемой высшим авторитетом в области вкуса, от ландринных журналов до запрограммированных рекомендаций и советов неведомого собеседника в Интернете, они владеют всеми реакциями толпы, сборища *Homo vulgaris*.

За примерами не надо далеко ходить. Вслушайтесь, как смеется толпа над тем, что еще недавно почитала святыней, и причем – вполне искренне, как ликует она сегодня там, где следовало бы пла-

кать. Как равнодушные, словно проказа, поражает добрых и отзывчивых по природе своей русских людей, привыкших считать благодаря средствам массовой информации чем-то нормальным или неизбежным мировым злом (соответствующим стандартам быта богатых, преуспевающих стран) – детей, просящих подавание в метро или электричках, малолетних проституток, стоящих по вечерам не только на улицах мегаполисов, но и на скоростных автотрассах, целую армию «бомжей» (словечко какое придумали!) и бессильных стариков, собирающих ночами бутылки в урнах или роющихся в помойках, – тех стариков, которые когда-то предопределили и славу, и великую Победу России.

Впрочем, полный эффект ориентации эмоций, ожидаемый властью соответственно вложенному капиталу, может быть достигнут только при всеобщей лоботомии всего населения. Что, к счастью, пока еще невозможно или до чего еще не дошла всемогущая гениальная инженерия. Как одна из граней органически присущего нормальным людям стремления к жизни в саморегулируемом коллективе выявляется достойное, подлинно человеческое по направленности развитие эмоционального мира и его характера. Вот почему наряду с психозом безвкусной моды, типичным для йеху, все активнее распространяется добрый и милый стиль одежды, тканей, украшений. Вот почему не перестает звучать подлинно лиричная песня, связанная органически с народным мелосом, а на эстраду (хотя и с трудом, вопреки жесткому диктату монополизировавших ее всемогущих йеху-шоуменов, расплодившихся ныне у нас наподобие неистребимых черных тараканов) пробивается преисполненное гражданского пафоса творчество наших подлинных бардов.

Пожалуй, самая драматичная битва не на жизнь, а на смерть разворачивается в одной из самых деликатных сфер духовного мира – в области веры. Человек, приверженный определенной вере (как мы говорим в повседневном общении – убеждениям, хотя это и не совсем корректно в теоретическом отношении), готов на все, вплоть до смерти во имя ее торжества и защиты. Вспомним, как говорили в древние, античные времена: «Спарту можно уничтожить только тогда, когда погибнет последний ее гражданин». А ведь так и было, и притом – не только в Спарте, но и в целом ряде других цивилизаций, в том числе и нашей, русской. Следовательно, властителям и их организации – государству всегда было далеко не безразлично, во что верят их подчиненные, насколько глубока их вера в провозглашаемые ими ценности. Не безразлично это и тем рыцарям духа, которые понимают роль истинной веры в альтернативном движении человечества на основе самоуправления и подлинной свободы всех на пути к *Homo divinas*» [16, с. 77–78]. Философ обращает внимание на то, что «...под знаменами религии шли те первопроходцы духа, которых не покинула генетическая память человечества об открытом их предками в далекие времена самоуправлении. Под этими же знаменами шли и те сотни миллионов йеху, избравших рабство духа в любом государственном оформлении, подчинившихся насилию властителей и тем самым отказавшихся от нормального для социальной природы человека пути самоуправления. В полной мере этот парадокс характеризует и более масштабный и универсальный феномен веры, которая может быть слепой и даже пробуждающей в человеке самые низменные, дьявольские инстинкты

вроде ненависти к людям другой расы, но может быть и фактором возвышения человека на пути *Homo divinas*. Не развивая мысль о вере и религии в структуре духовной жизни человека как самоуправляемой системы, обращу внимание лишь на одну типологическую характеристику йехуизма – ренегатство. Ее следует трактовать не как любое отступничество (скажем, именуя так измену присяге властителю или несправедливой власти), но лишь как сознательное, а потому коварное отступление от добровольно избранных норм поведения в самоуправляемом социальном организме» [16, с. 79].

Многие книги и статьи В.А. Разумного были посвящены обоснованию и характеристике весьма распространенного социального типажа – йеху. «Люди, охарактеризованные мною как йеху информационной цивилизации, живут рядом с нами и вместе с нами. Они – закономерный результат развития общества по пути государственности. Более того, результат универсальный, ибо в условиях тотального господства крайне изолированной системы государственной власти, охватившей, словно спрут, все стороны человеческой жизни, черты и признаки людей типа йеху, их поведения и характеров живут и в нас. Поэтому мы не без грусти мечтаем о *Homo divinas* как идеале, как норме совершенства, к которой мы можем и должны стремиться. Естественно, если человек способен стать подлинно социальным животным, если социальность станет не только его сущностью во всех проявлениях жизнедеятельности, в том числе и в характере управления обществом, но и в преимущественной ориентации его духа. Скептики, склонные к цинизму оценок, охладждают наш романтический пыл, утверждая, что общая тенденция истории – упрощение человека во имя господства над ним немногих, избранных, одичание на пути государственности, ускоренное информационная цивилизацией. А самый простой и легко прогнозируемый вариант такого упрощения – делегирование властных полномочий могучему современному государству – левиафану на базе информационных технологий во имя спокойной, ухоженной, сытой жизни обездуховленного большинства. Естественно, что в таком случае современные йеху – оправданный, правомерный итог всеобщего торжества подобной тенденции безудержного, неведомого миру живой природы озверения, – совпадающий во времени с нарастанием нового типа социальной дифференциации.

Не спешите с ригористическим осуждением высказываний, эпатирующих ваши устоявшиеся еще в школе представления о человеке как воплощении добра, исключая любой йехуизм. Ведь образовательное учреждение любого типа и не может давать воспитанникам иные представления, ибо его задачей в итоге всегда является возвышение человека в безграничной сфере знаний, эмоций и верований, в его деяниях, поступках. Но истинны ли эти представления – вот в чем суть! Быть может, они не учитывают той дьяволиады, которая изначально присуща человеку? Быть может, наш магистральный путь – не вперед и выше, но назад и ниже? Запутанный клубок вопросов, возникающих при подобном подходе к человеку, прямо-таки озадачивает каждого самостоятельно мыслящего и тонко чувствующего человека, не отказывающегося от веры в некие незыблемые ценности духа. Но еще больше озадачивает безграничное количество вариантов возможных ответов, уже выработанных Мировым разумом, движением цивилизации, тем, что

мы называем развитием человека. Попробуем вместе трезво и вне отработанных тенденций взглянуть на себя, а стало быть – на человека. Наша цель – не суд, но суждение, не замена одних догм и стереотипов другими, обладающими зыбкими признаками новизны, но смена ориентиров бытия.

Наверное, ничто в природе так детально и всесторонне не исследовано, никакому другому предмету не посвящали художники-первооткрыватели нашего эмоционального мира столько пристального внимания, никого великие вероучители так не возвышали или проклинали, как человека. Казалось бы, о человеке все сказано. Но он, как легендарный Протей, ускользает от любых определений, схем, социологических догм и образных мифов, от эпохи к эпохе появляясь в новом историческом облике. Невольно закрадывается вполне обоснованное сомнение в возможности выстроить единую концепцию сущности этого загадочного существа, лишеного какой-либо константности. Ранее море человеческих судеб давало некоторую надежду на обобщения, ибо существовала устойчивая иллюзия социальной дифференциации с момента появления государственности (рабы – рабовладельцы, крепостники – крепостные, капиталисты – пролетарии), подкрепляемая реальным существованием сословных или классовых перегородок между людьми.

Размытый, неопределенный мир бытия человека в период информационной цивилизации окончательно похоронил эту иллюзию. Попробуем же подойти к современному человеку с иной стороны, признав как факт предельную социальную дифференциацию, а затем – избрав позицию коллекционера паразитически любопытных типов современного йехуизма. Убежден, только просмотр подобной уникальной галереи в виртуальном мире воображения даст нам ответ на сакраментальный, извечный вопрос о возможности торжества *Homo divinas*, знаменующего своим существованием иное начало человеческой природы – эквитизм» [16, с. 80–82].

В.А. Разумный дает специальное пояснение о природе терминов, которые он вводит в своей классификации человеческих типов. Такое пояснение представляется важным, поскольку позволяет осознать некоторые пробы в образовании тех, кто поспешно делает выводы о терминологии, не вникнув в ее суть, не поняв ее сопряженности с литературными персонажами. Философ пишет: «Здесь позволю себе небольшое отступление, объясняющее выбор исходных терминов, вызвавших некоторые затруднения и разночтения после выхода в свет первой части моей книги "Венец творения или ошибка природы. Парадоксы философии йехуизма". Когда, потрясенный при новом прочтении бессмертием актуальной и поныне сатиры Свифта, выбрал термин "йехуизм" для определения особой, весьма злобной породы людей и их способа бытия, даже не предвидел одно странное обстоятельство. Оказывается, что большинство так называемой интеллигентной публики читало лишь адаптированное издание первой части его романа "Путешествие в некоторые отдаленные страны света Лемюзля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей" – "Путешествие в Лилипутию", а об йеху, то есть об отвратительных человекоподобных персонажах четвертой части его книги – "Путешествие в страну Гуингнмов" – и не ведает. У них сложилось весьма превратное представление о слове "йеху", как о своеобразном термине, почему-то ассоциирующимся в их воображении с добротным,

ядренным русским словом. Но книга "Венец творчества или ошибка природы" вышла в свет, и битый терминологический отбой было уже поздно.

Йехуистам я далее планировал противопоставить пантагрюэлистов, полагая, что Рабле, этот мудрейший из мудрых и отважнейший среди всех бойцов с силами зла и мракобесия, безусловно, у нас – общеизвестен. Ведь именно он гениально противопоставил всем мерзопакостникам – светлых, добрых, веселых людей, способных "быть добрыми пантагрюэлистами, то есть жить в мире, в радости, в добром здравии, пить да гулять" и соглядатаям не доверять. Ведь именно бесстрашный Франсуа Рабле в странствиях Пантагрюэля и его веселой компании гуляк и забияк, выпивох да фанатичных поклонников женских прелестей впервые в истории дал нам целую коллекцию йехуистов, существованием которых обусловлено все зло на земле, и прежде всего – преступных владык мира сего. "Эти чертовы короли здесь у нас, на земле, – сущие ослы: ничего-то они не знают, ни на что не годны, только и умеют, что причинять зло несчастным подданным да ради своей беззаконной и мерзкой прихоти будоражить весь мир войнами". Запомним эти вещи слова доблестного Панурга, равно как и определение пантагрюэлизма, как нельзя более подходящее к поставленной мною задаче выяснения перспектив бытия человека» [16, с. 86–89].

Конечно, всякая попытка классифицировать человеческие типы носит умозрительный, виртуальный характер. Но такая классификация существует в сознании каждого человека: ведь каждый из нас делит своих знакомых на добрых и злых, щедрых и скупых, открытых и закрытых, искренних и недоверчивых... В зависимости от такого деления мы дифференцируем свое отношение к этим людям, прогнозируем и поведение, поступки, возможные реакции на события в нашей жизни. «Знамение нового времени – стремление найти основу классификации самого человека как действительно страшного по своим возможностям существа, который ныне вполне реально, а не в воображении фантастов покушается на космические войны, на клонирование человека, фактически уже создает систему тотального рабства на основе новейших информационных технологий, практически влияет на климатические процессы и вдобавок к этому дает такое многообразие условий бытия на нашей планете, которое ставит под сомнение единство человеческой породы и какого бы то ни было смысла ее существования. Конечно, классификационный подход к человеку – отнюдь не изобретение информационной эпохи. Древнейшие цивилизации использовали его в соответствии со своими историческими и социальными сверхзадачами. Вглядитесь повнимательнее в загадочные росписи египетских погребений – и вы сразу же увидите и в позах персонажей настенных фресок, и в характерной для них атрибутике тысячелетиями отработанные представления о классификации человеческого материала. С той же достоверностью эта классификация предстала перед изумленным взором современных археологов, которые неожиданно узрели целую армию скульптурных изображений китайских воинов, реально и без теоретических понятий, в образной форме увековечивших ее» [16, с. 84–85].

В попытках классифицировать человеческие типы нынешних адептов идеологической системы, стремящихся выйти за пределы марксистской методологии в понимании природы человека, философ

видит возможность смотреть на природу человека с различных точек зрения: «Новое время (если иметь в виду условное наименование эпохи непрерывных революционных преобразований во всех областях человеческого бытия, начиная с середины XIX века по столь же условному христианскому летосчислению) ознаменовано впечатляющим прорывом в самом подходе к классификации человеческого материала. <...> Убедиться в этом – весьма просто, ибо достаточно просмотреть новейшие словари и энциклопедические издания по социологии, психологии, истории философии, педагогике и по многим другим без меры и должного объективного основания расплодившимся "наукам о человеке". Каких только принципов классификации человеческого материала они нам не предлагают, стремясь преодолеть социально-экономический подход и соответствующий ему классовый принцип. Я отнюдь не собираюсь в пылу полемики сокрушать те или иные определения, характеризующие классификационный подход к анализу человека как к субъекту истории и в конечном итоге – ее трагической жертве. Зафиксированные в теоретической форме, они обогащают нашу целостную картину человеческого бытия во всем ее драматизме, художественно-осмысленные в эпохальных по значению шедеврах искусства, они дают нам новые ориентиры этого бытия в современном алогичном мире. И, конечно же, превращаясь в символ веры той или иной человеческой общности, они оказываются терапевтическими по значению ценностными ориентирами существования, более того – выживания миллионов в условиях надвигающегося Молоха потребительского тоталитаризма и манипулирования миллиардами зловещей горсткой новых правителей Земного шара, таинственным кланом, всерьез убежденным в своем окончательном историческом торжестве над обделенным и дебилизированным человечеством.

Но, как это ни парадоксально, все новейшие открытия, прозрения и ценностные установки, ставшие почти аксиоматическими на протяжении последних двух столетий, имеют весьма локальное, но не универсальное значение для характеристики нашей с вами породы. Они, как и все предшествующие классификационные принципы, затрагивают лишь одну какую-то сторону нашего бытия, пусть вполне реальную, объективную, но не способ бытия человека как антиприродного существа. К примеру, трудно оспаривать правомерность идущей от К.Г. Юнга традиции деления всех людей на экстрвертные и интровертные типы, на тех, кто в постижении истины открыт для внешних влияний, и тех, кто изначально замкнут, отворачивается от внешнего мира, бежит от него в свой замкнутый внутренний мир. Но универсальную пружину безграничной динамики способа бытия человека этой и многим другим изящным психологическим конструкциям объяснить не дано.

Бессильны здесь и социологические изыски, которые нельзя отрицать с порога в силу их нестандартности. Так, безусловно, привлекательно основанное на трудах историков, этнографов, археологов представление о пассионарности тех динамичных в определенные периоды развития рода человеческого цивилизаций, которые оказывают наиболее заметное влияние на общую картину динамики социума. Но ведь вне вихрей этой "пассионарности" остается подавляющее большинство человечества. И ничего – преблагополучно и тихо, без катаклизмов существует» [16, с. 85–86].

Обсуживающие власть работники идеологического цеха ныне упорно трудятся, отработывая свои «тридцать сребреников», навязывая согражданам очередные догмы и мифы, повествующие о непрестанной заботе власти о своих подданных. «Гораздо спокойнее по традиции представлять историю человечества как развитие социальных групп, племен и родов, кланов, каст, званий, сословий, классов, страт, как смену цивилизаций, тем более что для подобных представлений есть вполне реальные, фактические основания. Но возведенные в абсолюты, в непререкаемую догму, эти представления скрывают от нас первопричину мировой трагедии духа, драматизм нашей всеобщей истории как ошибки природы. Они делают нас бессильными перед реальным социальным злом, ибо в итоге оправдывают выход нашего пращура на извечную тропу войны в результате отказа от самоуправления и перехода на зловещий, с моей точки зрения, путь государственности как символа и механизма власти одних над другими. Власти, которая не становится слабее оттого, что ее возникновение прикрывают прекраснодушной легендой об "общественном договоре".

Но подобная универсальная глухота далее превращается в преступление против человечности, ибо закрывает перед всеми нами путь к *Homo divinus* в соответствии с нашим изначальным, природным предназначением, ибо она в итоге, в ближайшей исторической перспективе свернет стрелку на путь в никуда, к всеобщему одичанию, к *Homo vulgaris*, к той войне всех против всех, которая уже ныне стала зловещей реальностью. Завет великих – вот наша последняя и неколебимая опора, наше *scredo*. И он прост как все гениальное и в этом смысле слова – божественное: изначально и вечно существуют в гигантской, многомиллиардной массе людей, страдающих и любящих, в поте лица своего добывающих хлеб наш насущный, своим повседневным изнурительным трудом создающих все то, что мы с гордостью, хотя и бесосновательно называем "второй природой" и без чего мы ныне не можем сделать и шага, два типа, две породы людей – йехуисты и эквитисты. Это пассивное и зловеще – приспособляющееся к любым, самым экстремальным условиям и питающееся из государственной кормушки стадо или чернь (по терминологии наших великих поэтов), с моей точкой зрения, являющаяся парадоксальной ошибкой природы, и устремленные вперед (*equites* – всадники, неодолимо мчащиеся вперед и выше) лучшие представители человеческой породы, те, чей труд и интеллект, художественные открытия и великие прозрения веры определяют динамику истории, по традиции именуемую нами вполне неопределенно прогрессом, те, кто действительно является солью земли. (Здесь, кстати, уместно напомнить, что "порода людей", по Далю, старинное словообразование, тождественное новому – "природа людей").

Они – вне любых социальных делений, ибо йехуистом может стать и раб, и крепостной крестьянин, и вольный землепашец, и нынешний городской работник, а эквитистом – представитель правящей верхушки, выламывающийся из ее традиций по велению совести, веры в надежде на совершенствование человеческой природы. Йехуисты и эквитисты – характеристика двух универсальных способов бытия, присущих особым группам, и в этом смысле – породам людей. Наследственные, врожденные или предопределяемые средой и воспитанием подобные качества двух пород людей – безуслов-

но, любопытный вопрос, но он – вне сферы моего интереса. Ясно одно – нет и не было ни одного мудрого ученого, ни одного прозорливого и тонко чувствующего художника, ни одного создателя, определяющего духовные ценности человеческого верования, которые не признавали бы такого универсального и вполне загадочного расслоения людей в обозримом для нас временном промежутке истории» [16, с. 87–88].

Представляют особый интерес конкретные характеристики двух противоположных социальных типов, классифицируемых В.А. Разумным: «Не буду торопиться с теоретическим определением йехуизма и эквитизма, как предлагают мне доброжелательные читатели первой части, ибо вслед за классификационным подходом к человеку, избранным мною, необходим этап систематизации духовного опыта тысячелетий и лишь потом – теория вопроса, предлагаемая мною. Пока лишь признаем, что амбивалентность йехуистов и эквитистов (а они немислимы друг без друга в целостной и нерасторжимой человеческой общности как два способа бытия, с удивительной неизменностью проходящие через тысячелетия неписанной и писанной истории) дает достаточное основание для проведения универсальной классификации человеческого материала безотносительно к его этническому, историческому, профессиональному своеобразию, более того – безотносительно к любому социальному статусу. А согласившись с подобным основанием, отбросим все идеологические предубеждения и гарантии индивидуального спокойствия и далее – в путь с тем же упорством, который оставили нам как завет Лукреций Кар и Авиценна, Аристофан и Байрон, Герберт Спенсер и Зигмунд Фрейд, Карл Линней и Чарльз Дарвин, Дмитрий Менделеев и Бальзак, Евклид и Лобачевский, Конфуций и Будда, Лев Толстой и Максим Горький. И конечно же – Маркс, один из самых универсальных пророков человечества. Начнем без предварительного обоснования с йехуистов, нанизывая их на булавки нашей исторической колллекции.

Может показаться, что их выделение для дальнейшей классификации следует отнести на счет полемической направленности моей книги, ибо ее пафос – непримиримая война с йехуизмом во имя торжества *Homo divinus*. Но это далеко не так, ибо каждому мыслящему человеку известен феномен сопротивления материала умозрительным, даже самым привлекательным и на первый взгляд логически безупречным гипотезам. Именно об этом сопротивлении эквитизма какой-либо классификации я расскажу далее, попытавшись объяснить и этот загадочный парадокс нашей духовной жизни. Естественно, противопоставляя эквитизм всем основным типам йехуизма, которые постараюсь разместить на булавках всемирной классификации дьявольской породы людей, чей исторический путь отмечен потоками людской крови, страданиями миллионов беззащитных жертв, триумфом завоевателей и черных деяний палачей. Именно породы, приметно отличающейся по способу бытия от *Homo divinus*.

Мною при трактовке проблемы выделяются следующие классификационные подразделы йехуистов: *Yiehu-bestia*, или бестиарии и их резервная армия: *yiehu-ignorantia*, или невежды; *yiehu-renegatus*, или ренегаты; зловещий же исторический марш бестиариев к их вполне возможно окончательному, бескомпромиссному триумфу осуществлялся лишь потому, что в условиях государства всегда предельно

распространены представители полярной противоположности племени йехуистов – *Yehu-aurea mediocritas*, или сплоченная посредственность: *yiehu-demagogus*, или демагоги; *yiehu-mutantas*, или мутанты; *yiehu-figlarus* или фигляры» [16, с. 90–91].

Конечно, воспроизводство человеческих типов – результат деятельности институтов социального воспитания, в первую очередь – школы. Мы сами плодим огромное племя йеху, не отдавая себе отчета в последствиях подобного «социального творчества»... «Невежды, к сожалению, активно плодит современная система образования повсеместно, и отнюдь не только в нашей забитой России. Финансировать же для них “теплые местечки” без каких-либо ограничений бестиарии считают (и не без оснований) весьма прибыльным и перспективным делом. Подумайте хотя бы спокойно и непредвзято о таком факте – даже при полной нищете большинства населения России ежедневно создаются Комитеты и Подкомитеты, Комиссии и Департаменты, Фонды и организации Уполномоченных, строятся для них виллы и дворцы! Вслушайтесь – ныне чиновников в России более четырнадцать миллионов человек, что практически было бы невозможно в обществе, основанном на самоуправлении. И вокруг них идет такая немислимая круговерть иллюзорной деятельности, которая психологически травмирует любого, самого бывалого обывателя, бегающего из одной инстанции в другую за какой-то ненужной подписью или визой. Подобное (быть может, без русского масштаба) происходит целенаправленно и организовано во всем мире, где “крапивное семя” функционеров всех типов умножается, словно неистребимые тараканы, и уже исчисляется сотнями миллионов. Кто и когда смог бы найти подобную армию эквитистов, готовых жизнь отдать на благо других людей, или просто элементарно культурных (я уже не говорю – образованных!) функционеров, каковыми они и должны быть в идеале? Это – не только наша печальная “расейская” действительность, но глобальное, всесветское безобразие, тщательно спланированное бестиариями. Иное дело, что в Азии или Африке забитые люди привыкли с ним тысячелетиями мириться и просто не ощущают надвигающейся апокалиптической угрозы, а в продвинутой Европе миллионы острее и смелее реагируют на нее, что вызывает уважение перед традициями, пострадавшими европейской цивилизацией. Но повсеместно механизмы манипулирования запущены с равной мерой интенсивности, хотя и по разному, тщательно выверенным информационным программам. Так, на Западе (используя этот некорректный в научном отношении термин) уже не первое десятилетие успешно, я бы сказал, предельно интенсивно действует хитроумная, учитывающая психологию обывателя программа потребления ради потребления, о которой сказано и написано предостаточно. И массовый, впечатляющий результат уже налицо» [16, с. 123–124].

Характеристики различных категорий йеху В.А. Разумный дополняет конкретными историческими параллелями и ситуациями: «Конечно, йеху-невежды – наивные создания рядом с подлинными бестиариями, которые ныне пошли в атаку, впервые в истории объединившись, и с поднятым забралом, уже не скрывая ни своих возможностей, ни своих дьявольских целей. Но не забывайте ни на секунду, что до начала зловещего кровавого марша миллионов представителей одной из культурнейших наций мира – немцев, мелкие бесенята типа

фюрера и его подручных, идиотизм которых блистательно раскрыл Михаил Ромм в фильме «Обыкновенный фашизм», сделали все для того, чтобы превратить ее в скопище невежд и йехуистов чистой воды. Причем сделали в срок куда более короткий, чем тот, который в истории избрали для себя современные бестиарии после великой Победы 1945 года. Той Победы, в которую мы верили как в финал всех войн на планете. Не тут-то было, и все пошло по другому сценарию. У нынешних бестий в руках уже были все средства массовой информации и новейшие информационные технологии, все необходимые базы, охватившие паутиной наш маленький Земной шар, послушные, как рабы, и, вроде бы, независимые правительства многих стран, армии чиновников, и просто мощнейшие армии и невиданные никому ранее капиталы. Что такое по сравнению с ними Крез? – Не более как мелкий дилетант – собиратель сокровищ!

Но вот что вполне загадочно – трубный глас о пришествии бестиариев в первую очередь улавливают именно йехуисты-невежды, что свидетельствует об определенной их общеобразовательной интеллектуальной и эмоциональной подготовленности. Они первыми начинают крушить дубиной без разбора, лишь бы это было выгодно в итоге бестиариям. Они, я бы сказал, осуществляют мониторинг бестиариев, их прихода. (Напомню, что монитор – это австралийская ящерица, появление которой всегда предвещает встречу с крокодилом, свидетельствует об его приближении).

Где-то рядом на историческом поле с йеху-невеждой соседствует другой всемирно-известный и неустрашимый тип йехуиста – *yiehu-renegatus*, или йеху-рenegат. Попробуем и его наколоть на нашу классификационную доску, найти ему достойное и специфическое место во всемирной дьяволиаде, на сцене мирового театра, *theatrum mundi*. Как йехуист-невежда не просто необразованный человек, так и йехуист-рenegат отнюдь не просто изменник. В конце концов, в нашем бытии (и историческом, и настоящем) изменников – хоть пруд пруди и по всем параметрам человеческого общежития, от семейной жизни до дружеского общения. Помните Руставели: недруга опасней близкий, оказавшийся врагом... Нет, йехуист-рenegат явление особого, отнюдь не морального порядка. Изменяя убеждениям, он предаст праведное дело, наиболее спешествующее утверждению эквитизма, а стало быть – и становлению *Homo divinas*. Он тем самым, бесспорно, явно способствует (пусть – в отдаленной исторической тенденции) успеху всемирного торжества бестиариев. Таким, бесспорно, был когда-то Алкивиад. Стал таковым и маршал Ней – наполеоновский ветеран. Рenegат и его деяния – едва ли не одна из наиболее распространенных сюжетных схем мировой трагедии. О великих вероучениях и говорить нечего – вспомним хотя бы Иуду» [16, с. 125–126].

В классификации человеческих типов В.А. Разумный особо выделяет «сплоченную посредственность» – опасную и коварную массу безликой серости: «Но что же возможно с достаточным основанием, а стало быть – и следует, внимая законам разума, считать историческим явлением или типом человеческого бытия, полярным бытию *yiehu-bestia*? Очевидно, только то в многоликой человеческой реальности безотносительно к историческому периоду, уровню цивилизованности и ее этническому своеобразию, что делает возможным само существование бестиариев и без чего их просто бы не было. Это – сплоченная посредственность и ее иная ипо-

стась – безлика, лишённая индивидуальности масса. Это *yiehu-aurea mediocritas*.

Наш прабестиарий, открыв в каменном ноже как возможность убийства сородича, так и лучшее средство на пути к власти, смог зашагать дальше, через века и тысячелетия, ибо никто в родном племени не дал ему предметного урока всеислия самоуправления, или, что более вероятно, наиболее робкие и хитроумные по природе молчаливо сплотились как трусливый скот перед входом на бойню. Он прошёл путь от иудейских царей и родоначальников древнейших китайских династий, от всемогущих и загадочных египетских фараонов и римских цезарей до фюреров XX века и гномов-бестиариев XXI века только потому, что рядом с ним, вместе с ним, на благо ему развивался и умножался, словно вредоносный грибковый паразит, *yiehu-aurea mediocritas*, или, проще говоря, тупая, косная масса, не озарённая светом эквитизма» [16, с. 132–133].

В.А. Разумный отчетливо понимал, что «в любых этнических образованиях есть всякое – великое и мерзопакостное, и эквитистское, и йехуистское. И бестиарии всегда (поначалу – интуитивно и в силу элементарного организаторского таланта, а затем – уже вполне обоснованно теоретически, на уровне самых последних достижений информационной цивилизации) знают, на кого надо ориентироваться, кого – пригреть и приласкать, дабы затем направить на вечную тропу войны, братоубийственной бойни и издевательства над самыми элементарными основами человечности. Само выделение в древнейшем, отдалённом от нас десятилетиями тысячелетий племени из среды охотников особого рода йехуистов-воинов, конечно же, уже тогда оправдывавшееся примитивными идеологическими приспешниками первобытных бестиариев или вождей законами самозащиты, было первым шагом в этом роковом направлении. В кровавом направлении, которое окончательно утвердилось вместе с государственностью, когда заурядному человеческому уму понять что-либо в механизмах власти стало не по силам. А тем более теперь, в условиях абсолютной гегемонии бестиариев не только в экономической, политической и военных сферах, но и в чудовищных по мощи информационных коммуникациях» [16, с. 134].

Исторические параллели и сравнения показывают, что бестиарии накопили богатый опыт коррекции логики событий, изменения сценария мировой драмы, главным образом – на пути военного насилия. По мнению философа, именно так и возник в исторической науке термин «реставрация». «Ныне же, усвоив тысячелетние уроки истории и ощутив свое практически неограниченное могущество, бестиарии выработали результативную тактику профилактики социальных катаклизмов, используя для этого древнейший, но вечно действенный тезис: разделять, чтобы властвовать. Способствовать этому должны прежде всего не только традиционные силовые рычаги власти, но сама разнородность, разнolikость масс, особенно отчетливо проявляющаяся в те часы, когда общность их интересов – исчерпана. В ней бестиариям все больше и чаще (особенно в условиях информационной цивилизации, когда их усилия подкреплены новейшими информационными технологиями) помогают те члены разноликкой массы, которые не изжили в себе раба, не преодолели йехуизм, но остались посредственностью в ду-

ховном отношении, причем не только посредственностью, но сплоченной посредственностью.

Говорить об этом надо прямо и честно, не опасаясь обиды, а тем более вполне предсказуемой мести подобного рода йехуистов. Сплотить эту посредственность и должны рекрутируемые в самой массе бестиариями *yiehu-mutantas*, или йеху-мутанты, прелюбопытнейшее и весьма заметное в нашей классификационной коллекции социальное и неистребимое от века к веку, от этноса к этносу явление. Причем не просто сплотить, но нарядить их в пестрые костюмы всемирного маскарада исторической значимости, маскирующие их реальное убожество и откровенный йехуизм.

Перерожденцы были всегда, в истории любой цивилизации. Разве не было их в среде жрецов в период Амона, попытавшегося перевести своих подданных под сень монотеизма? Разве не было их в Афинах при переходе от тирании к демократии? Разве не рекрутировал из них Гитлер наиболее преданных ему идеологических фюреров разного калибра? И разве не стали наиболее яркими антикоммунистами в России те, кто принадлежал к партийной верхушке и пользовался всеми благами, всеми привилегиями своего положения? Но осознание их бесценного значения пришло к бестиариям лишь в двадцатом веке, когда сам процесс перерождения разных категорий в разноликкой массе стал целенаправленным и базирующимся на выводах социальных наук.

Период стихийного, хотя и массового появления йехуистов-мутантов завершился. Ныне их формирование поставлено на централизованный массовый и отлично отлаженный конвейер в соответствии с цивилизационными особенностями того или иного этноса. Его финансирование ныне вполне сопоставимо с расходами на вооружение. Впечатляет прежде всего точная, выверенная адресность воздействия бестиариев через все рычаги влияния на интеллект, верования, эмоциональные предпочтения. Впечатляет и глобальный результат подобного воздействия, называемый мною эффектом смещения всех духовных ценностей. Вполне логично бестиарии сделали особый акцент на первый возраст, на молодежь, на ее систему духовных ценностей, ибо именно завтра молодежь будет той массой, которая должна стать абсолютно, безоговорочно покорной бестиариям во всех отношениях и притом даже не подозревающей, кто замесил дьявольское тесто, кто предопределил их перерождение в йехуистов. Ее обучение и воспитание ныне сочетается с психологически обоснованной дрессировкой, и притом – весьма хитроумным, тщательно выверенным на многолетней практике способом. Массовые социальные выступления молодежи шестидесятых годов двадцатого века побудили бестиариев бросить все силы и средства на работу именно с этой, имеющей историческую перспективу категорией населения нашей планеты. Пугает их и нынешнее поведение молодежи в странах, являющихся на первый взгляд незыблемой цитаделью бестиариев, все чаще и откровеннее противостоящей их замыслам в любой области, от политической до экономической. Скажу откровенно – можно только восхищаться как методикой этой работы, так и ее результатами, которые мы с грустью наблюдаем и в нашей стране, вопреки ее еще недавно казавшимся незыблемыми историческим традициям духовности, человечности, доброты» [16, с. 140–141].

В категории йеху особого внимания заслуживает характеристика философом особого социального типажа – «йеху-фигляр». «... И демагогов, и пере-рожденцев в недрах самих масс явно недостаточно для реализации глобальных планов нынешних все-властных бестиариев. Незавершенная как целостность программа всегда может дать сбой. Вот почему во имя своих (нет – сегодня не имперских, но космических социальных амбиций) бестиарии все активнее выпускают на сцену мирового театра истории yiehu-figlarus, или йеху-фигляров.

Фигляр – чисто русское словообразование, от знаменитой и всем известной с детства фигли, фигли-мигли. Фигляр – это не шут, ибо человек под маской шута исторически оказался в роли эквитиста, имевшего право говорить самым страшным владыкам правду об их деяниях. А ведь эти владыки или прабестиарии отнюдь не всегда идиоты; порою они наделены и высоким интеллектом, и незаурядным личным мужеством (помните последние слова Веспасиана: «Цезарю подобает умереть стоя!»). Именно они понимали, что кто-то, кроме профессиональных осведомителей, должен говорить им правду, остерегая от непродуманных действий.

Он – скоморох. Но в отличие от симпатичного и человеческого скомороха в любом народном действе йеху-скоморох фиглярничает во имя полного отупления сознания тех, кто его смотрит или слушает. Посмотрите любые телеинтервью с генералами, ежедневно посылающими сотни и сотни молодых солдат и офицеров на бойню в самые неожиданные и чуждые им конфликты. Дабы скрыть зловещий характер происходящего, они наловчились отпускать традиционные солдатские шуточки на уровне фиглярства, не стесняясь надевать на себя маску скоморохов. Авось, полагают они вполне всерьез, аудитория забудет, что взаимоистребление людей – всегда преступно и что ему должен быть когда-то положен конец. А скоморох на парламентской трибуне, который понимает наивность веры человека массы в то, что его "представитель", избранник способен что-то решать на практическом уровне! Нет, не всякому актеру дано постичь те приемы фиглярства, которыми владеют многие парламентарии, продолжающие упорно и отнюдь не бескорыстно игру в свою личную значительность.

Фиглярами вольно или невольно оказываются те талантливые представители художественной интеллигенции, которые, забыв о своем основном, творческом призвании, начинают играть на сцене мирового театра роль наемных пешек бестиариев. Они начинают рассуждать о неведомых им социальных интригах и исторических фактах на голубом телевизионном экране, даже не подозревая, что в итоге оказываются действующими лицами дурно пахнущих политических спектаклей. Дабы усилить их воздействие на массы, привыкшие чтить кумиров, бестиарии и их ближайшие пособники не жалеют средств для создания эстетического ореола вокруг такого рода художников, снимая их и в кругу королевских семей, и в мире финансовой элиты, и среди звезд спорта. Причем снимая одних и тех же, нудно и настойчиво, используя психологический эффект привыкания. Здесь любопытен и эффект резонанса: загипнотизированные своей популярностью, добытой вне творческой возвышенной деятельности, и втайне опасаясь ее потерять в одно мгновение, подобные фигляры поневоле втягиваются в игру, начинают предлагать свои решения, не понимая всю глубину личного духовного падения

на благо бестиариев. Похмелье от подобного временного успеха, как правило, бывает трагическим в индивидуальном отношении: выжатый лимон уже не лимон...

Фигляр – плут и ловкий обманщик. Стоит хотя бы во имя социальной профилактики ученым-эквитистам создать обобщенный историко-политический труд, отражающий развитие государства в разные периоды и на разном цивилизационном уровне и вскрывающий то безмерное плутовство, которым отмечен путь любого йеху-фигляра к власти или, по крайней мере, во властные структуры всех рангов. Что только он не обещает, в чем только не клянется – и низшим, и высшим в социальной иерархии. Надо будет – и гопака спляшет, и завернет нечто такое, перед чем меркнут обещания Остапа Бендера превратить Васюки в Нью-Васюки, шахматную столицу Вселенной. И вот что поразительно: косная, тупая масса, не просветленная эквитистским сознанием, неизменно оказывается доверчивой, а в итоге – ловко одураченной. Ее последующие стенания и воздыхания ни к чему не приводят, ибо новая и неожиданная для них реальность быстро утверждается как еще один этап на победном пути бестиариев к абсолютной власти. Членам этой массы остается лишь почесать затылки и в кои разы воскликнуть: "Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!"

Демонический марш йехуистов к окончательному торжеству, к абсолютной власти над миром, все действия бестиариев и их воинства, равно как и поразительное терпение косной массы, разобщаемой демагогами, мутантами и фиглярами, не может не укрепить всеобщее сомнение в том, что человек – венец творения. Сомнение это тем более основательно, что в течение тысячелетий йехуизм складывался, консолидировался в систему. Вот почему для ответа на сакраментальный вопрос о перспективах человечества, о возможности в итоге торжества над дьяволиадой Homo divinas, божественного человека я должен от классификационного подхода перейти к систематизации отдельных выделенных типов йехуизма, показать их как единство в разнообразии, как нерасчлененную целостность, как динамичную систему. Цель подобной систематизации – раскрыть качественное своеобразие современной системы йехуизма и ее зловещую, античеловеческую суть» [16, с. 146–147].

Конечно, философ оставляет нам возможность обнаружить в собственной памяти подходящие примеры и ассоциации, найти иллюстративный ряд к характеризваемым социальным типажам и ситуациям, осознать логику развития общества и его культуры, оценить масштабы и последствия надвигающейся социальной катастрофы. Но главное, о чем предупреждает философ, – за всеми этими процессами и явлениями, за всей амплитудой и разнообразием социальных проявлений человека стоит целенаправленный процесс деструкции традиционной культуры русского этноса, разрушение базовых этических основ его повседневного бытия, принцип строительства и существования всего русского мира. И, пожалуй, основным фактором такой разрушающей миссии выступает деятельность институтов социального воспитания, институтов образования, которые в условиях информационной цивилизации принципиально меняют свои цели, функции, содержание деятельности, способы влияния на молодежь. «Продуктом» их деятельности сегодня является homo comus (веселый человек) – «таким

представляется нам человек толпы сегодня при учете этнического своеобразия и его национальных традиций в деле организации и проведения досуга. Я бы сказал – безмерно веселящийся, словно в ожидании какой-то всемирной и неизбежной катастрофы. Говорю об этом без каких-либо политических пристрастий и идеологических стереотипов, понимая претолчно, что техническая и информационная революции радикально изменили наш досуг и открыли перед нами, людьми, реальные возможности для его использования в деле формирования Homo divinas. Так, европейская культура и ее тысячелетние традиции порою органически сочетаются с достижениями технической и информационной цивилизаций, что и предопределяет достаточно высокий духовный потенциал современных европейцев. Подобное положение дает нам и противоречивая духовная жизнь других, неевропейских народов» [16, с. 69].

Деструкция всей системы отечественной культуры и образования молодежи приобрела в последние два десятилетия такие масштабы, что сегодня становится совершенно очевидно: последствия этой действительно гуманитарной катастрофы для национальной истории и культуры наш народ не сможет преодолеть в течение многих десятилетий... Не просто «плохо образованные», но самое страшное – духовно и физически деградировавшие, новые поколения «россиянских людей» будут воспроизводить себе подобных, внедряя в сознание собственных чад искаженные социальные представления и нравственные нормы, ложные ценности и смыслы... Последствия подобной социальной «модернизации» наше сознание еще не способно представить и оценить в полном объеме, но главное – в произошедшей социальной трансформации человек перестал быть творцом, созидателем, перестал ориентироваться на труд как важнейшее и необходимое условие социального бытия гражданина, а превратился в простого потребителя – услуг, благ, ценностей, – потребителя, не имеющего отношения к их производству...

Трудно представить что-либо подобное в других культурах, в которых труд всегда считался важнейшей предпосылкой и условием обретения человеческого счастья, социального признания и успеха личности. Да и личностью человек становился не столько за счет произносимых и часто правильных слов, сколько за счет собственного труда, оцененного его современниками (или потомками), признанного как труд непревзойденного мастера, как труд уникальный, осуществленный во благо других людей, произведенный для них – для мира, для общества, для своего этноса... Да и лексически такая философия социального существования человека получила вполне выразительное оформление в известной с давних времен поговорке «На миру – и смерть красна», отражающей истинно общинное, социальное бытие русского человека...

Нельзя не согласиться с мнением И.Е. Булатникова, подчеркивающего, что «будущее общества, состояние его общественного сознания, его морали, образ жизни и поведение людей, их отношение к социальной реальности, к выполнению своих профессионально-трудовых функций во многом зависит от внешних – идеологических, социально-политических факторов, влияние которых образовательные институты преодолеть не в состоянии. Более того, вписанные в социально-политическую систему, в конечном счете они неизбежно превращаются

в инструмент целенаправленного формирования определенного типа личности, с заданными свойствами, востребованными рыночной моделью социально-экономического устройства общества. Это означает, что сегодня в образовательных институтах, осуществляющих целенаправленное социальное воспитание молодежи, готовящих будущих граждан к жизни и труду в новых социально-экономических реальностях, происходит сложный и болезненный дрейф, связанный со сменой традиционной общественной, коллективистской морали на «новую», рыночную, индивидуалистическую, в которой мерилом нравственности человека, его ответственности становится прагматический расчет, финансовый успех, реальная выгода, получаемая человеком от совершаемых поступков или действий; иными словами – не общественное благо, а личная польза; не служение обществу, а своим собственным интересам. Неизбежным следствием этого станет дальнейшее социальное расслоение, атомизация социального бытия человека, нарастание индивидуализма, социального эгоизма, распад межпоколенных связей, рост неудовлетворенности, агрессивности людей, их социальное разочарование, утрата социального оптимизма и т.д.» [3, с. 148–157].

Остается только солидаризироваться с нравственным выводом ученого: «В этой связи мы должны честно сказать, что интересы сохранения целостности российского государства, консолидации, сплочения всего общества, обеспечения его суверенитета, его социально-экономического и культурного развития требуют восстановления традиционных нравственных ценностей, коллективистской общественной морали, целенаправленного развития в молодежи ответственного отношения к своему народу, своей истории, культуре, национальному достоянию, колоссальным природным богатствам, к своему труду, совершаемому во благо всего общества, а не отдельного человека» [3, с. 148–157].

Согласимся с мудрым и точным выводом И.Е. Булатникова: «Надо просто хорошо воспитывать детей, надо предлагать им действительно достойные образцы нравственного поведения и отношений. Думается, что задача сохранения национальной культуры, целостности и независимости Отечества требует решительных и неотложных мер, связанных с укреплением общественной морали, интеграции усилий всех субъектов, способных обеспечить целенаправленные социально-педагогические влияния на сознание, чувства и поведение вступающего в жизнь поколения молодежи, ориентируя его на истинно нравственные ценности и смыслы, формируя устойчивые навыки творения добра и красоты в окружающем мире. ...Табуированные формы общественной морали препятствуют разрушению социальности этноса, обеспечивая воспроизводство неписанных границ должного, формируют поле социально одобряемого поведения, пространство гарантированной нравственности в проявлениях людей. Такие границы задают условные рамки, выход за которые всегда осуждался обществом, получал его негативную оценку. Отсюда рождалось представление о том, что «можно», а что «нельзя»... Отсюда рождалась социальность личности, позволявшая ей не только считать себя частью целого – этноса, но и обособляться от общества, выражая и сохраняя свою индивидуальность. ...Просчеты в социально-нравственном воспитании сегодня обернутся – уже в обозримом будущем! – неизбежным разрушением всей социальности человека, всей системы его смысложизненных ко-

ординат, падением в бездну всех табуированных норм и границ социально одобряемого поведения и отношений. Человек в этом случае превратится в животное, станет хищником, для которого останутся всего лишь несколько внутренних регуляторов

поведения – голод и инстинкт размножения... Вернуть человеку человеческое может лишь соблюдаемая всеми, одинаково значимая для всех, признаваемая всеми членами социума общественная мораль» [5, с. 60–72].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2002.
2. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийар ; пер. с фр. Н.В. Суслова. – Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 2000.
3. Булатников И.Е. Проблемы и тенденции формирования ответственного отношения студентов ССУЗов к профессиональной деятельности в массовой практике социального воспитания: тревожные тенденции и векторы надежды / И.Е. Булатников // Психолого-педагогический поиск. – 2010. – №4 (16). – С. 148–157.
4. Булатников И.Е. Развитие системы нравственных ценностей молодежи в условиях кризиса культуры: диалектика вечного и временного / И.Е. Булатников // Психолого-педагогический поиск. – 2012. – №4 (24). – С. 23–35.
5. Булатников И.Е. Социально-нравственное развитие молодежи в условиях деструкции общественной морали / И.Е. Булатников // Психолого-педагогический поиск. – 2012. – №3 (23). – С. 60–72.
6. Булатников И.Е. «Кризис культуры» и его отражение в состоянии общественной морали: диалектика вечного и временного в социально-нравственном воспитании молодежи / И.Е. Булатников, И.Ф. Исаев // Евразийский форум. – 2012. – №4. – С. 76–92.
7. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада / П. Дж. Бьюкенен ; пер. с англ. А. Башкирова. – М. : АСТ, 2003.
8. Зиновьев А.А. Глобальный человек / А.А. Зиновьев. – М. : Эксмо, Центрполиграф, 2006.
9. Зинченко В.П. Человек в пространстве времен / В.П. Зинченко // Развитие личности. – 2002. – № 3. – С. 23–50.
10. Кутырев В.А. Время Mortido / В.А. Кутырев // Вопросы философии. – 2011. – № 7. – С. 18–27.
11. Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали / А. Макинтайр ; пер. с англ. В.В. Целищева. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2000.
12. Остапенко А.А. Человек исчезающий. Исторические предпосылки и суть антропологического кризиса современного образования / А.А. Остапенко, Т.А. Хагуров. – Краснодар : КГУ, 2012.
13. Павленко А.Н. Радиофундаментализм / А.Н. Павленко // Вопросы философии. – 2008. – №1. – С. 29–44.
14. Разумный В.А. Батрахомомохия или круговорот духовного онанизма / В.А. Разумный. – М., 2009.
15. Разумный В.А. В поисках смысла. Очерки всеобщего йехуизма / В.А. Разумный. – М. : Пихта, 2003.
16. Разумный В.А. Венец творения или ошибка природы (парадоксы человека) / В.А. Разумный. – Псков, 2006.
17. Разумный В.А. Драматизм бытия или обретение смысла / В.А. Разумный. – М. : Пихта, 2000.
18. Репринцев А.В. Антропологическое измерение социальных реформ: от кризиса идентичности – к деструкции культуры этноса / А.В. Репринцев // Психолого-педагогический поиск. – 2013. – №1 (25). – С. 26–39.
19. Репринцев А.В. Методологические проблемы современного социального воспитания молодежи или есть ли сегодня социальный заказ на воспитание коллективистов? / А.В. Репринцев // Вестник Костромского государственного университета. – 2011. – №4. – С. 131–137.
20. Репринцев А.В. Развитие капитализма в российском образовании: взгляд из провинциального вуза / А.В. Репринцев // Психолого-педагогический поиск. – Рязань : РГПУ, 2011. – №2 (18). – С. 24–42.
21. Репринцев А.В. Рыночный тип личности как «социальный заказ» современному социальному воспитанию: традиции этноса и дебри «модернизации» / А.В. Репринцев // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. II. – №5. – С. 18–23.
22. Репринцев А.В. Рыночный тип личности как продукт «модернизации» российского образования: Трагедия и триумф национальной культуры / А.В. Репринцев // Берегиня-777-Сова. Научный журнал. – 2012. – №3(14). – С. 120–126.
23. Репринцев А.В. Рыночный тип личности как продукт «модернизации» современного российского образования: Что ждать от «реформ»? / А.В. Репринцев // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2012. – № 3 (6). – С. 33–43.
24. Степин В.С. Философская антропология и философия науки / В.С. Степин. – М. : Высш. шк., 1992.
25. Тарасова О.И. Антропологический кризис и феномен понимания / О.И. Тарасова. – Волгоград, 2009.
26. Хагуров А. Социальные проблемы образования: Запад и Россия (обзор концепций и фактов) / А. Хагуров, И. Горлова, А. Ахиджаков. – 2-е изд. – М. : ИС РАН; Краснодар : КГУКИ, 2001.
27. Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии / отв. ред. И.Т. Фролов. – М. : Республика, 1995.